

Иван

Инокентьев

ДРЕВО

Из цикла «Якутские рассказы»

Все бы хорошо, да вот древо это треклятое, росшее у самого дома-балагана, мешало ему благодушествовать на склоне славно проведенных лет. Редкая удача для его брата боотура – иметь за спиной семь десятков прожитых годков. Тем паче, если три четверти из них проведены в седле боевого коня, в кованных – не самых легких на свете – доспехах...

* * *

Что он помнит из жизни своей? Пожалуй что первый поединок и совсем еще несмышленишем убитого им соперника.

Такого же юнца, что и сам, только из другого роду-племени. Как они бились тогда под грозно-назойливое подзуживание, под гортанные выкрики поддерживавших их матерых бойцов враждующих улусов!

По уму-то должны были сражаться в то затянутое болотным маревом утро не на жизнь, а на смерть не эти два желторотых птенца-подростка, а сами именитые, высокого происхождения и полета, тойоны. Или, на худой конец, два самых опытных боотура из вечно воевавших меж собой кланов. (А причинами раздоров сих служили то наделы спорные земли, то убийство ненароком или по умыслу злему сородича какого, и редко очень – похищение удальцами-молодцами женщины чужого рода.) На этот раз сыр-бор разгорелся по поводу сенокосных угодий. Нешуточный повод для столкновения кровавого – в засушливое-то лето!

И так уж получилось, что по взаимному уговору тойонов (у одного из них была подвернута нога – неудачно прыгнул, упившись хмельного кумыса, с коня), выставили, будто на посмешище, двух юнцов. По правде говоря, давно мечтавших свести на жестоком поединке счеты – не первый год соперничали они мирно на ысыахах! – и заодно показать молодечество свое пред сородичами. Хватит ходить в отроках сопливых, вон уже пушок над верхней губой пробивается. Значит, мужчинами пора становиться! Пора...

Впервые взявшие в руки – для настоящей схватки – боевое оружие, парни поначалу как-то не слишком рьяно взялись за дело. И награждены были тут же оскорбительными выкриками: «Зажеманились девицы наши, застеснялись!», «Вы поцелуйтесь еще в круге, друзья, чего нас, стариков дряхлых, стыдиться!», «Вида крови бояться, в обморок, того и гляди, хлопнутся!...»

И горячее, дурманящее дыхание смерти, будто туманом алым, обволокло их сознание, застлало глаза. Враз поняли юноши, что одному из них суждено остаться здесь, на этом пятачке утоптанной земли, навсегда. С перебитым ли позвонком, со сломанной ли шеей иль с хищно вонзившимся в сердце острым клинком батаса – было теперь уже не важно. Важно было не дать сопернику проделать это с тобой, самому УБИТЬ его.

«О, смотри, вот схватка так схватка!», «Словно подменили наших бойцов!» – на этот раз толпа, состоявшая в основном из боотуров, безумствовала уже от восторга. «И ведь не остановишь поединок-то, – перекрыл шум схватки, крики, хриплое дыхание бойцов рассудительный голос тойона. Того, что падал с коня. – И настрой у обоих, и упорство, и выучка – будто одной пилы зубья...» Видно, не хотел тойон стать свидетелем смертельного исхода поединка, да, сожалея, смирялся пред неминуемым-неизбежным. Суровы законы предков: нет заметного превосходства одного бойца над другим – биться им до смерти, никто не вправе остановить единоборство...

«Поднырни под дылду, под удар, и достань ногу! Потом уж кончай с ним!» – это советуют его врагу. Да и Сарыал не глухой – все слышит. Не зря про него говорили старые боотуры: «Толк из этого долговязого выйдет. Лишь бы дожил до тех лет, когда в силу войдет...» И потому, хотя и слышит Сарыал, что советуют его сопернику, не торопится менять занятую позу-стойку: а вдруг – подвох?! Боец он, знать, всамделишный, коли разума не потерял в пылу схватки.

Первоначальный запал иссяк, кровавый туман, застилавший глаза, исчез. Теперь он играл со своим разъяренным противником, что кошка с мышью. Подряд два раза будто раскрывал ненароком незащищенную левую ногу – руби! В последний момент убирал, словно по игре случая. А когда этот дуралей полез за его ногой третий раз, отскочил – заранее рассчитав ВСЁ – чуть в сторону и нанес сокрушительный удар по спине врага.

Этого омерзительного хруста перерубаемых человеческих позвонков он долго не забудет. Да вот только крепкий кумыс, здравицы в его честь и, главное, за их родом оставшееся богатое сенокосное уголье сделают со временем свое дело: он почувствует себя человеком, НУЖНЫМ сородичам. Не зря, значит, потратились люди на его, Сарыала, обучение – постигающие воинское искусство никогда не отвлекаются на всякого рода нудные хозяйственные работы. Смысл их бытия на Срединной земле – когда придет время – убивать или быть убитым, дорого заплатив за жизнь свою и своих соплеменников.

* * *

Что было потом?..

Потом, однажды летним утром, дней через пять после боя того памятного, заметил Сарыал, что одна могучая ветвь Древа стала засыхать, сбросила раньше времени пожелтевшую листву. «Приболел чтой-то покровитель – защитник наш», – забеспокоилась мать и поехала к знаменитому шаману в соседнее урочище.

«Ты за сыном присматривай, к намерениям-поступкам его приглядывайся!» – ни с того ни с сего негаданно посоветовал встревоженной женщине старец. И ни за что не согласился взять за труды справного годовалого бычка-телёнка, преподнесенного матерью Сарыала в дар. «Не в моих силах изменить предна-

чертанное свыше, – промолвил при этом горестно. – Чему суждено произойти, того не миновать...»

И потекли годы. Такие же непохожие, разные, как и двуногие обитатели мира Срединного. И проливал Сарыал свою кровь, и лил чужую. Защищаясь чаще, но и нападая порой сам с ватагой в несколько десятков подобных себе сорвиголов на земли ближних и дальних соседей. Тревожил их, чтобы ТЕ не тревожили; убивал, чтобы самому оставаться в живых. Время было такое – «кыргыс уйтэ» век междоусобиц.

И многие развесистые ранее нижние ветви Древа родового превратились за эти же годы в страшные, окаменевшие будто в неслышном горьком выкрике обрубки-щупальца. Видели это старики – покачивали молча опущенными горестно головами; видел это Сарыал – похохатывал: «Эх, люди-людишки! Короток ваш ум, незорки ваши очи... Оживет скоро Древо, не убивайтесь так. Вот привезу невестушку-красавицу из дальних далей, заведу детишек, затеют они веселый осуохай вокруг него, и оживет наше Древо. Пуще прежнего зацветет!..»

И на четвертом десятке жизни решил Сарыал-боотур остепениться, завести семью. Прослышал, что за дальней горой, в урочище близ Светлого ручья, живет-проживает тунгуска неопишуемой красоты. Был он к тому времени человеком с положением и подарков для будущей невесты не пожалел: и мехами, и серебряными поделками набил переметные сумы трех лошадей. Поехал жениться, да как человек сторожкий – беспокойные были времена! – взял с собой в сопровождение десяток отборных бойцов. Половину пути проехать не успели, как донесли до их ушей нехорошую весть: выходит красавица-иноплеменка замуж за сверстника-тунгуса, и будто давние у них, едва ли не с малолетства, любовь да дружба... Делать вроде бы уже нечего. Другой жених неудачливый сплюнул бы с досады, засел где-нибудь в укромном местечке, напился бы до одури пенящегося кумыса, погоревал бы день-другой в обществе друзей-соратников и повернул коней обратно. Да не таков был Сарыал-боотур.

Не развернул он любимого коня мордой на юг, а плетью огрел, чтобы шибче бежал, и на полном скаку уже крикнул: «Кто со мной?!» Все десять боотуров, как один, устремились за ним... Обученные сызмальства искусству воинскому у лучших мастеров ратного дела, они с легкостью расправились с защитниками небольшого стойбища. Сарыал-боотур самолично, но без лишней жестокости, покончил с молодым тунгусом-соперником; разыскал затем желанную добычу свою среди насмерть перепуганных женщин; смеясь и крича: «Это вам выкуп за девушку вашу!» – разбросал-раскидал по всему стойбищу привезенное добро; кусающуюся, царапающуюся красавицу велел связать и усадить на запасного, наиболее смиренного коня.

Так и доехали до родных мест Сарыала-боотура: без шума и гама, без радостной суеты и спешки. За дорогу долгую красавица-пленница не проронила ни слова. Есть помалу – ела; ходила по нужде – убегать не пыталась; да что-то странное затаилось в ее глазах: жутковатое в своей нечеловеческой прямо скорби. Не было в этом взгляде ни злости, ни жажды мести, ни даже – обиды. Она все думала, но о чем-то своем, недоступном...

Встретили пленницу в доме Сарыала-боотура приветливо. Мать его как-то с первых дней не то что бы возлюбила, но просто на удивление участливо отнеслась к горькой доле девушки. И когда та попросила через старую женщину, чтобы Са-

рыал не трогал ее в течение девяти дней – сразу же запретила сыну даже думать о чем-либо подобном до истечения назначенного «невестой» срока.

Так прошли восемь дней. На рассвете девятого Сарыал проснулся от истошного вопля матери. Выскочив из урасы с оголенным батасом, он вдруг отпрянул – будто наткнулся на железную стену! – узрев жуткую картину. Под Древом сидела мать и, уже не рыдая, молча рвала на голове седые волосы. Прямо над ней болтались-свисали откуда-то сверху крохотные ножки в праздничных бело-снежных сапожках...

Со смертью гордой девушки-иноплеменки словно последние силы стали покидать Древо. Только самая макушка его одевалась теперь летом в зеленый наряд. Да не было в зрелище этом ничего, что бы тешило-утешало глаз. Какую-то недоступную разуму двуногого нелепость, чудовищную игру высших сил чувствовал каждый при взгляде на это не то уродливое растение, не то некое подобие человеческого существа с зеленой головой и загребущими мертвыми руками.

И лишь хабрился еще бесстрашный Сарыал-боотур.

* * *

А спустя еще несколько протяжно-долгих лет вышло у него несчастье с братом названным Нюргунном...

Славно погуляли они в тот теплый летний день вдвоем и вдали от глаз людских. (Народ-то весь был на летнике – разгар сенокоса.) И обсуждали, раз за разом опустошая чороны, одну братову задумку: в вольные боотуры решил податься Нюргун. И всё подбивал на это Сарыала. И выходило впрямь из речей его складных, что коли им вместе держаться, сам Арсан-Дуолай, свирепый владыка Нижнего мира, – и тот в ужасе подожмет хвост свой поганый от одного их вида. Так бахвалились братья друг перед дружкой в продолжение всего длинного летнего дня, а вечером, когда слегка посвежело, вышли поразмяться на зеленый лужок возле Древа. И батасы звонкие не забыли захватить, и щиты, и доспехи. Какая у них – у боотуров потомственных – забава-развлечение, как не воинские игрища? Вытянули-высосали каждый из чорона своего без остатка веселящий душу-кут напиток настоящих мужчин, отбросили посуду небрежно в сторону и встали в позицию брат перед братом.

Дурь и муть в головах отяжелевших, а руки-ноги делают заученно работу привычную – сцепляются братья в ближнем бою; отпрянув, лихо, со свистом рубят воздух батасами; смеясь, затем, играючи, молотят по щитам палицами боевыми (не всякому смертному под силу даже приподнять каковые с земли, не то что забавляться ею!).

Оглашал окрестности боевой клич братьев, от которого вражья душа не единойжды уходила в пятки; раздавался-разносился по окрестностям звон от скрещивающихся батасов, кованных лучшими в подлунном мире кузнецами; грохот стоял невообразимый, будто сталкивались время от времени тверди земные и небесные – то молотили медные палицы о медь же многослойную щитов особой закалки.

Ох, до чего же хорошо было братьям! И кровь чужую проливать не надо (не убийцами ведь были прирожденными!), а свою по жилам разогнать в охотку – чего более еще желать подлинному боотуру... Подушав, заходили в прохладную урасу, подкреплялись кумысом животворным, жеребятиной жирной, карасьями

лакомились язычками. И беседовали, и вспоминали былое, и мечтали вслух о том, как подадутся вместе в загадочную страну Виллой – уговорил-таки, соблазнил Нюргун брата своего названного.

Беда заявилась, как всегда настигает она двуногого, – неожиданно. По третьему кругу когда «вышли на бой», поскользнулся на влажной от утренней росы траве Нюргун (разве заметишь, как проходит ночь летняя!) и вместо того, чтобы прикрыть голову от братовой палицы, упёрся рукой с щитом об землю... Что делать то было Сарыалу?! Подтянул он брата поближе к Древу, вырыл на скорую руку подобие могилы, уложил в него Нюргуна в полном боевом облачении и закопал. Хорошо еще, что догадался дерн сверху срезать, прежде чем заняться захоронением боотура. Землю же лишнюю снёс на подворье, раскидал, утрамбовал.

Как и надеялся Сарыал, народ решил: подался Нюргун в поисках лучшей доли в «вольные боотуры», на Виллой.

А Древо за ночь лишилось последней листвы...

* * *

Всё бы хорошо, да вот Древо треклятое...

Старик, кряхтя, облачился в боевые свои доспехи, вышел во двор и подошел к еще с вечера привезенной чагарами-слугами из Священной роци маленькой березке. Вырыл неглубокую ямочку, осторожно, боясь повредить хоть корешок, посадил в нее трепетно-хрупкое тело деревца. Принес в туске воды, щедро полил-напоил землю вокруг затрепетавшей листочками на ветру березки. Зашел в балаган, снял со стены верой и правдой служивший ему столько лет батас. Шепча под нос старинные заклатья, вышел во двор. И с размаху рубанул по черной плоти Древа клинком.

* * *

Утром их нашли лежащими рядом: срубленное Древо и Сарыала-боотура. Оба были мертвы.

А рядышком игриво шумела листвою молоденькая березка...

ЯМА

Из цикла «Когда мы были первобытными...»

Людей в орде было много. Даже слишком много. Так, во всяком случае, считал вождь Хо-Ту. Ладно, раз уж нельзя всем поголовно быть охотниками-добытчиками, то хоть побольше бы выделил им Небесный дух выносливых и сильных женщин. Как бы не так – в пещере проходу нет от вопящих и стонущих, а на что Хо-Ту сдались эти сопливые малыши да старики немощные! Обуза одна, к тому же еще каждодневно есть-пить требующая. Слишком уж теплой прошлая зима выдалась, на его голову...

* * *

Ворочаясь на мягкой двойной подстилке, вождь думал ранним осенним утром о другой зиме – предстоящей. Вряд ли будет она столь же милосердна и добра к

людям Белой Птицы. Это как смена дня и ночи – побаловала тебя зима ласковая, с частыми оттепелями, в следующий раз жди и готовься к лютой, выюжной. И колдун неспроста проталдычил всё лето: мяса и шкур потребуется для грядущей зимовки не в пример больше, чем обычно. Коль не случится какого чуда, половины орды, мол, недосчитается вождь к заветной Поре уходящего снега.

А лето уж прошло, и деревья потихоньку листву сбрасывать начали. Они – не люди, им зимой почему-то без одежды теплее. Вождь хмыкнул: каждый волен готовиться к наступлению холодов, как ему вздумается. Пусть даже так, совсем уж по-сумасшедшему. Но ведь умудряются же эти деревья, казалось бы, оголившиеся вовсе не ко времени, выдержать суровое дыхание Духа морозов! Почему? В чем их секрет?..

Нет, не над тем ломает голову вождь! Что ему деревья, ему о спасении людей думать надо! Хо-Ту снова беспокойно заворочался, приподнял голову и оглядел спящих. Хоть и не молод годами, но пока по-прежнему остёр его ум. Он это знает. И потому знает еще Хо-Ту, что много людей – скорее хорошо, нежели плохо. Чем многочисленнее, тем сильнее орда. Только как прокормить, как сохранить ее?..

Вот уже к выходу потянулись гуськом женщины. Проходя мимо, тихими голосами окликают друг дружку, так же осторожно будят заспавшихся. Покорные мужской воле, преданно и бескорыстно любящие, всегда готовые работать до изнеможения ради благополучия орды... Всплакнул во сне ребенок, будто кто-то всеведущий заранее поведал ему об ожидающей его горькой доле. Бедные женщины, бедные дети и старики...

На глаза вождя навернулись нежданные слезы. Он резким движением смахнул их с ресниц. Затем привычно, лежа, с хрустом потянулся, зевнул. Хо-Ту не будет плакать. Хо-Ту найдет мудрое решение. На то он и вождь.

Вскоре завозился на облезлой волчьей шкуре увечный Су-Та. Он – пташка ранняя. Был таким и в пору былой своей славы удачливого охотника. И теперь, даром что ноги переломанные едва передвигает, привычке подниматься с зарей не изменил. Пробормотав нечто нечленораздельное, но явно ругательного содержания, Су-Та заковылял к Большому костру – поддержать огонь.

И вдруг вождь ни с того, ни с сего, словно кто неведомый приказал ему, стал напряженно следить за передвижениями калеки. Сколько раз он наблюдал эту его странную походку, слышал жуткое полудыхание-полусвист, вырывающееся из продавленной груди Су-Та! И ничего. А тут, этим утром...

Необычные, вертлявые, скользкие мысли зароились в голове вождя. И все – он уверен – связанные накрепко с судьбой орды, с ее выживанием. Да вот беда, никак их не ухватить. Пока он старательно морщит лоб, след простывает проклятых мыслей.

Погоди-погоди, вождь... А вспомни-ка, где и как изувечил себя Су-Та? Конечно же, провалившись на весенней охоте в заброшенную медвежью берлогу, к тому же изрядно углубленную талыми водами. И даже сохрани он тогда ноги, вряд ли бы без посторонней помощи выбрался из той ямы-западни.

А что, если?.. Яма... Яма! Им нужно выкопать яму и загнать туда Ревущего исполина. И тогда – вместе с сушеной олениной, целой горой собранных женщинами впрок съедобных кореньев – зимних припасов им вполне хватит до звонкой песни ранних капелей.

Задуманное Хо-Ту – какие тут могут быть сомнения? – путь к спасению орды. Самый верный путь, легко осуществимый замысел. Они загонят большого, сильного зверя в яму и закидают сверху тяжелыми камнями. И все – орда переживет самую студеную зиму. Но... Радости не было. Хо-Ту чувствовал лишь глубокую скорбь. Вождь знал, что так, как он задумал, нельзя поступать с детьми Великого Небесного духа.

* * *

Яма получилась на славу – глубокая, умело прикрытая сверху на вид мощными, разлапистыми, на самом деле – очень хрупкими ветками. Огромный, не ожидавший подвоха мамонт провалился в нее по самую макушку. Племя Белой Птицы лакомилось его мясом и жиром всю на редкость долгую зиму.

* * *

А недостойное человека свойство разума – способность к Коварству – так и появилось с тех стародавних времен в среде двуногих.

Не зря говорят: единожды оступившись...

СМЕРТЬ ХОЛОПА

Из цикла «Рассказы отставного поручика»

– Родина, милые барышни мои, она каждому еще во чреве матери дадена. И не во власти нашей выбирать ее, покупать али меняться ею по случаю – на посправнее да попокладистей, посытнее. А уж торговать оной – будто товаром каким барышливым – оборони от искуса подобного, дьявольского, Господи Пресвятый! Злодеянию сему смердящему и наказания достойного выдумать нельзя, потому как и наилютейшая за него казнь восточная лишь легким шлепком по попе ребячьей покажется. Не более того.

Э-э, чего там талдычить попусту! Вам пока этого не уразуметь в полной-то мере – по малолетству возраста. Хотя, смекаю, первоначальное понятие о Родине дается Вседержителем каждому вместе с обретением им языка человеческого. И получается, милые барышни, что крепость и сила державы нашей зависят напрямую от крепости и силы любви к ней – к Родине...

* * *

Те, кто помудрее, аж с весны ждали вторжения иноземного. Не в смысле том, что жаждали войны, а понимали умом и сердцем: не избежать треклятой. Никак не избежать. Буонапарте к двенадцатому году, почитай, всю Европу кровью залил. И так обильно влагой алою пашни напоил, что крестьянам тамошним впору было вместо хлебушка по осени людские кости собирать. Бедствовал народишко, оголодал вконец. А императору французскому, новоявленному, и горя нет: зачем ему вспаханная земля? Ему ровные, чистые просторы нужны – для баталий будущих, чтоб солдатам на них ловчее убивать друг дружку было...

Так вот и пришла война на землю русскую. Сказать негаданно – нельзя, но и не ко времени. Рановато. Как водится у нас исстари, не успели подготовиться толком: армии развернуть, резервы подтянуть, припасы боевые подвезти. Что было наготове, тем и встретили супостата. И тяжело пришлось поначалу воинству

православному. Долго отступали славные витязи наши – стиснув накрепко зубы, оставляя на поругание поганой нелюди исконные свои города и веси. И клялись на крови: вернемся.

Небесному календарю земные катаклизмы не указ. Будничной чередой проходили дни за днями, недели за неделями. Враг продолжал наступать, пусть и без прежнего напора. И случилось, что один из передовых его отрядов неожиданно занял деревню Смоляную, аккурат перед нашествием отошедшую по наследству молодому помещику Ивану Сеницыну. Человек горячий, к тому же в чине прапорщика (даром что отставного), последний рассудил: негоже оставлять дворянину и офицеру владения свои без должного противления неприятелю. И дал ему бой – скоротечный, но жаркий.

Полегли на поле чести друг Сеницын и сосед его гражданский чиновник Игнатий Волков, три верных дворовых человека – Сёмка, Охрим да Гаврюша, старый солдат Агафон Силантьич. Раненный пулею в правое плечо, прапорщик отбивался еще какое-то время от наседавших на него трех спешенных уланов. Но силы были неравными, и вскоре французам удалось выбить саблю из ослабевшей его руки. Захваченный в плен, Сеницын гордо отказался от перевязки и потребовал расстрелять себя тут же, на месте, – рядом с павшими боевыми друзьями.

Французский офицер на то недобро усмехнулся и велел уланам связать пленному руки. Какие муки ада претерпел при этой жестокой процедуре раненный Сеницын, ведомо ему и Господу. Только месяца полтора спустя, после освобождения, жители Смоляной рассказывали: ни один мускул не дрогнул на его лице, ни даже тихого подобия стога не вырвалось из сомкнутых его уст. А потерявшие в том бою нескольких своих товарищей уланы уж поглумились в тот час над прапорщиком вволю. Раз пять они с хрустом выворачивали назад, чтобы затем рывком вернуть обратно, его и без того истерзанную руку. Якобы все не могли подобрать веревку подходящей длины и прочности.

Но раздался резкий окрик офицера, и уланы, наконец, связали Сеницыну руки. Теперь их внимание переключилось на деревенского старосту и немца-управляющего, что проходили мимо. Немец явно пытался что-то втолковать старосте, а тот в ответ упрямо мотал стриженной под горшок головой.

– Дура ты, Савелий, и больше никто! – нервно восклицал управляющий. – Буонапарте всем свободу дает. Таких, как ты, бедолаг от рабства вековечного вызывает...

Староста теребил задумчиво бороду:

– А спросил Буонапарта твой, желаю ли я многожданной воли Русской земли ценою? Спросил?! – И вдруг, словно что узрев, остановился. Ощерившись, угрюмым взором из-под лохматых бровей оглядел там и сям расположившихся на привал иноплеменных воинов. – Ты, Осип Адамыч, сам продался – других не подбивай. Думаешь, коли нерусский, так и спрос с тебя иной?!

– Да, я не русский, – обиженно отвечал немец. – Я лютеранин, не православный. Но я тридцать лет живу на русской земле, я честно женился на русской женщине. Я люблю ваш забитый, темный, но чистый душою народ. Я воли для вас хочу... – Улыбнулся. – Чуешь воздух свободы, Савелий? Как приятен он и свеж!

Савелий сплюнул:

– Смрад это немецкий, а не воздух! В хлеву и то лучшее пахнет, чем от твоих пакостников-живодеров...

– Это ты врешь, Савелий! Ведомо мне, что ты в молодые года у самого Пугача едва ли не в свите состоял... – немец ехидно посмотрел на Савелия. Подмигнул.

– Так то я разбойничал, Оська! Волю себе добывал... Токмо ты запомни, змеюка: ни Емельян Иваныч, ни я Русской земли в бунте том не продавали!

Французский офицер заметил спорящих, поманил пальцем немца:

– Мушик хочет свопота?

Управляющий согнулся в угодливом поклоне:

– О, уи, месье! Уи!

Вскинулся тут молодой помещик. Пересиливая боль, вскричал громко:

– Неужто проданся, Савелий? Вольной жизнью соблазнился?! Тяжкий грех на себя берешь, опомнись!

И с гордым достоинством не раба, но воина, молвил Савелий такие слова:

– Знаю, будет на мне грех, барин... Будет! Да не тот, о коем ты баешь...

И багровея ликом от натуги, вырвал старик из ближней ограды тяжелый и острый кол. И будто вилы в слежавшееся сено, с силой воткнул его в мягкое французово подбрюшье. Отскочил затем в сторону, вытер ладонью вспотевший лоб:

– Ну что, примешь теперя в кумпанию, Иван Аркадьич? Не побрезгуешь?

– А впрямь воздух чище стал, – весело отвечал старосте молодой помещик.

И, вмиг посерьезнев, шагнул к нему: – Хоть сию минуту дал бы я тебе вольную, Савелий – за подвиг твой... Прости, не судьба!

И сразили французские пули ставших плечом к плечу отважных русских людей – господина и раба его. И долго еще мертвые их тела кромсали сабли уланов.

* * *

А к рассвету дня следующего приняли вороги страшную смерть, набредя в тумане на лихих рубак Дениса Давыдова...

Иван Иванович Иннокентьев родился 21 марта 1957 года в селе Кобяй Кобяйского района Якутской АССР. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета.

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России. Член Союза театральных деятелей России. Член Союза журналистов России. Пишет на русском языке. Автор 12 книг. По его пьесам профессиональными театрами республики поставлено 8 спектаклей. Отдельные произведения выходили на болгарском и французском языках.

Лауреат Большой литературной премии России. Заслуженный работник культуры РС (Я).

Живёт в г. Якутске.

